

В начале пути

Ф. ГАМАРНИК,
К. БОГОМОЛОВА-ГАМАРНИК

Ян родился 2 июня 1894 года в городе Житомире. Родители очень любили сына, заботливо воспитывали его. Отец был самоучкой, он всю жизнь много читал, и эту жажду тягу к знаниям прививал детям.

Наша семья всегда испытывала материальные затруднения. Заработки отца, мелкого конторского служащего, были весьма ограниченными. А семья росла — вслед за Яном одна за другой появились мы (старшая из нас на пять лет моложе Яна, младшая — на одиннадцать). В 1904 году, когда отец нашел в Одессе лучше оплачиваемую работу, мы переехали туда. В этом приморском городе, где в то время быстро росли промышленность и рабочий класс, протекли отрочество и юность Яна, здесь прошел он первые университеты революции.

Старшая из нас хорошо помнит сумрачный осенний день в октябре 1905 года, когда отец, взяв с собой Яна и ее, повел их по возбужденной революционной волной Одессе к зданию университета. Там проходил массовый митинг в связи с начавшейся политической стачкой. Брат внимательно слушал горячие революционные речи. А вскоре в рабочем районе, где мы жили, произошли столкновения революционных отрядов самообороны с черносотенцами-погромщиками.

Еще несколько дней спустя оставшие одесские рабочие стали строить на улицах баррикады. Одна из них была неподалеку от нашего дома. Опрокинутые трамвайные вагоны и фонарные столбы, груды бумажника и мешки с песком служили укрытием, из-за которого рабочие, вооруженные охотничьими ружьями, револьверами, а то и просто камнями, мужественно отбивались от царских войск. Ян близко подходил к баррикаде, видел убитых, слышал стоны раненых, плач женщин и детей. Все это произвело глубокое впечатление на мальчика.

Брат рано познакомился с революционерами. Родители вынуждены были сдавать одну из комнат, жильцами

обычно были студенты. В 1906 году в ней поселилась молодая студенческая чета. Двенадцатилетний Ян как-то сразу потянулся к ним. А несколько месяцев спустя, ночью, и нам нагрянули жандармы, перевернули в квартире все вверх дном, забрали какие-то книги и увезли квартирантов. Брат после этого долго ходил расстроенный, задумчивый, а на расспросы сестры ответил коротко:

— Они боролись за то, чтобы не было бедных и всем рабочим жилось хорошо.

Очень любил Ян море. Он научился хорошо плавать, часто ходил купаться на Ланжерон. Здесь же нередко собирались одесские революционеры, и с некоторыми из них Ян подружился. Со временем они стали давать мальчику поручения — разыскать нужного человека, отнести записку, поблизко зайти к берегу.

Старшая из нас, с которой брат часто ходил к морю, помнит, как иногда он подходил там к людям в рабочих носоватых и студенческих тулупах, тихо разговаривал с ними, а иногда и прятал под рубашку какие-то бумаги. В таких случаях, даже не выходя из воды, он сразу вводил сестренку домой, а сам куда-то уходил.

Серьезность превосходно уживалась в натуре Яна с жизнерадостностью. Он заразительно хохотал, с увлечением играл со сверстниками. Футбол, коньки, бокс, верховая езда и, конечно, плавание увлекали его на протяжении многих лет. Купаясь с младшими, он зорко наблюдал за ними и однажды вовремя вытащил из воды захлебнувшуюся сестренку. В другой раз, когда на прогулке сестра напорлась на гвоздь, брат усадил ее и, несмотря на иррациональный вытаскивал гвоздь и перевязал ногу носовым платком.

С детства Ян увлекся верховой ездой. На лесозаводе в деревне Турчинке, где одно время работал отец, было много лошадей, и во время каникул Ян очень любил посканать на молодых, необезьяненных конях. Однажды лошадь с места понеслась, пы-

таясь сбросить седока. Мы были очень напуганы, но Ян сохранил полное спокойствие, заставив коня перейти на шаг. Много лет спустя, вспоминая походы гражданской войны, он говорил, как ему пригодились на фронте приобретенное с детства умение ездить верхом.

Очень пригодились ему на фронте и самообладание, решительность, бесстрашие, которые он выработывал в себе с юных лет. Еще мальчишкой ему ничего не стоило ночью одному пойти в лес. Помнится, в 1916 году в районе Турчинки появилась банда грабителей, порядком напугавшая местное население. Как раз в ту пору мы жили в домике, стоявшем в лесу. Однажды ночью нас разбудил сильный шум. Все встревожились. Хладнокровным остался только Ян, недавно приехавший на каникулы. Он спокойно оделся, снял со стены охотничье ружье отца и, открыв дверь, широко шагнул в ночь. А через несколько минут вернулся и, посмеявшись над нами, сказал:

— Ну и трусишки же вы!..
Оказалось, переполох наделала корова, которая как-то выбралась из сарая и бродила по двору.

Характерной чертой Яна была целеустремленность, определявшая все его поведение. События 1905 года, встречи с революционерами, причастные контрасты между богатством центральных кварталов Одессы и вопиющей нуждой на ее рабочих окраинах — все это глубоко действовало на подростка, пробуждало в нем сознание несправедливости тогдашнего устройства общества. Вытлевая мысль жадно искала ответы на возникавшие вопросы. И здесь большую роль сыграли книги. Ян рано пристрастился к чтению. Его любимыми писателями были Пушкин, Лермонтов и особенно Некрасов, многие произведения которого он знал наизусть. Позднее мы часто видели его за чтением Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Увлечение литературой не мешало остальным предметам. Он превосходно знал математику и уже в 14—15 лет, чтобы помочь семье, давал уроки математики младшим ученикам. Даже по латыни он постоянно получал пятерки. Преподавание языков в гимназии, однако, не удовлетворяло брата, и он дома, по словарю, самостоятельно изучал французский.

Когда Яну было 16—17 лет, мы видели его вечерами склонившимся над неизвестной толстой книгой. Это был «Капитал» Маркса. В маленькой комнате брата часто собирались товарищи по гимназии, разгорались жаркие споры, затягивавшиеся нередко за полночь. Позднее Ян рассказывал нам, что он в числе других гимназистов входил в нелегальный марксистский кружок учащейся молодежи.

Жандармы, проникшие о существовании такого кружка, зачислили Яна в список «подозрительных» гим-

НАВСТРЕЧУ
ВЕЛИКИМ
ДАТАМ

В разделе: ♦ Детство и юность полководца

назистов. Носο гляделο на брата и гимназическое начальство. Не раз Яна с пристрастием допрашивали, где он бывает, с кем встречается, каких взглядов придерживается. Но он, стоя, как это полагалось, навтыяжку перед начальством, почтительно... молчал.

Администрация нашла способ ущемить непопулярного юношу. Хотя на протяжении всех лет он учился на круглые пятерки и по окончании гимназии имел право на золотую медаль, Яну выдали серебряную. Это была отместка «за вольность мыслей», как сказал отцу директор гимназии.

Сиротность, трудолюбие, честность — эти присущие Яну качества он старался привить и нам, своим младшим сестрам. Припоминается такой случай. Трехлетняя Фаина нашла во дворе дома мяч и довольная принесла его домой. Брат, узнав о находке, взял сестренку за руку и обошел с нею все квартиры. Лишь найдя владельца мяча, он успокоился и отпустил сестру.

С особым вниманием брат относился к матери. Он сам чистил свою одежду, обув, убирал постель, подметал в комнате и нас заставлял все это делать, не прибегая к помощи матери. Ей он отдавал все заработанные за урны деньги, оставляя себе, с ее разрешения, лишь немного на попутку нниг.

В доме у нас был заведен такой порядок: дети должны были возвращаться домой к восьми часам вечера. Если же кто собирался где-либо задержаться, то заранее предупреждал маму. И вот однажды Ян, будучи уже студентом, пошел со своей будущей женой в театр, сказав матери, что вернется поздно. Старшая из нас перед самым спантлем достала себе билет и также она оказалась в театре. В первом же антракте, встретив в фойе сестру, Ян прежде всего спросил:

чером Ян возбужденный прибежал домой и, вызвав старшую сестру, тихо сказал: «А царя уже нет, сбросили его в Петрограде». И снова убежал, предупредив мать, что вернется только утром. С тех пор мы стали совсем редко видеть брата дома.

В октябрьские дни 1917 года в Киеве сложилась напряженная обстановка. В ночь на 29 октября отряды казаков и юнкеров окружили помещение, где находились Киевский комитет большевиков и Совет рабочих депутатов, и арестовали их руководителей, в том числе и Яна.

Мама выпросила у командующего военным округом разрешение на краткое свидание с сыном. Она взяла с собой и нас. И вот мы идем по запруженной беснующимися казаками и юнкерами Банковской улице (ныне ул. С. Орджоникидзе), поднимаемся по лестнице штаба, слышим выкрики: «Повесить большевиков!» В комнате, где состоялось свидание, находились вооруженные юнкера. Ян был спокоен, хотя бледность лица и глубокие синие круги под глазами говорили о перенесенных им испытаниях. Брат и все его товарищи не ожидали пощады. Когда мать заплакала, Ян крепко прижал ее к груди и сказал:

— Перестань плакать, родная. Ты ведь — мать большевика. Не унижайся перед этой белой сволочьей.

Взбешенные юнкера сразу прервали свидание, заявив, что скоро раздлаются со всеми арестованными.

Всю ночь мы не смыкали глаз, сердца вздрагивали от каждого выстрела. Едва рассвело, мы вышли из дому в надежде пробыть в штабе и узнать, что с Яном. Улицы, еще вечером запруженные казаками и юнкерами, были пустынной. Тут же и стрельба. Не понимая, что это означает, мы с опаской шли вперед, как вдруг навстречу выехал грузовик с вооруженными людьми. Мы инстинктивно прижались к стене. Кановы же были наше удивление и радость, когда, поравнявшись

Ян Гамарник — студент психо-неврологического института в Петрограде, 1915 год

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке